

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.09

Правильная ссылка на статью:

Флоринская Ю. Ф., Карачурина Л. Б. Новая волна интеллектуальной эмиграции из России: мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 183—200. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.09>.

For citation:

Florinskaya Y. F., Karachurina L. B. (2018) New wave of intellectual emigration from Russia: motives, channels and mechanisms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 183—200. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.09>.

Ю. Ф. Флоринская, Л. Б. Карачурина НОВАЯ ВОЛНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ: МОТИВЫ, КАНАЛЫ И МЕХАНИЗМЫ

НОВАЯ ВОЛНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ: МОТИВЫ,
КАНАЛЫ И МЕХАНИЗМЫ

NEW WAVE OF INTELLECTUAL EMIGRA-
TION FROM RUSSIA: MOTIVES, CHAN-
NELS AND MECHANISMS

ФЛОРИНСКАЯ Юлия Фридриховна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: jflorin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3809-6314>

Yulia F. FLORINSKAYA^{1,2} — *Cand.Sci. (Geogr.), Senior Researcher, Institute for Social Analysis and Forecasting; Senior Researcher*
E-MAIL: jflorin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3809-6314>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia

КАРАЧУРИНА Лилия Борисовна — кандидат географических наук, доцент кафедры демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: likaratc@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7760-7925>

*Liliya B. KARACHURINA*² — Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Demographics Chair
E-MAIL: likaratc@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7760-7925>

² National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Работ, анализирующих современные эмиграционные намерения россиян и их реализацию, мало. Одна из причин — отсутствие адекватной статистической информации о людях, выезжающих за границу и не снимающихся с регистрационного учета по месту жительства. А таких людей — большинство. Восполнить этот недостаток можно как анализом статистики основных принимающих мигрантов из России стран, что уже отчасти сделано другими исследователями, так и с помощью методов качественной социологии. В статье анализируются результаты полуструктурированных интервью с квалифицированными эмигрантами, уехавшими из России в 2011—2017 гг., взятыми в рамках исследовательского проекта Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2017 г. Анализ интервью, основанный на разделении мотивов, каналов и механизмов эмиграции из России специалистов с высшим образованием, позволяет ответить на вопросы о сходствах и различиях в выборе тех или иных моделей между представителями отдельных профессиональных групп, людьми разных возрастов и эмигрирующими в разные страны. Среди основных результатов исследования — отсутствие значимых различий в мотивации отъезда между всеми перечисленными категориями. В последние годы для большинства квалифицированных эмигрантов экономические и, частично, политические

Abstract. The papers analyzing modern emigration intentions of Russians and their fulfillment are not numerous. One of the reasons behind that is the lack of reliable statistical data concerning persons who leave their home country and do not notify the registration body of their departure for the new place of residence. However they are great in number. What can be done to fill the gap is to provide a statistical analysis of the main countries accepting Russian emigrants, which was already done by certain researchers, or to use qualitative sociological methods. The present paper analyzes the results of semi-structured interviews with skilled emigrants who left Russia in 2011—2017; the interviews were part of a research project conducted by the Institute for Social Analysis and Forecasting of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in 2017. The analysis of participant interviews helps to identify the motives, channels and mechanisms of Russian emigrants with higher education diplomas and to answer the questions referring to similarities and differences between individuals of different professions, age groups and those leaving for different countries when they choose certain patterns. The authors conclude that the lack of relevant differences in intentions across all the above-mentioned groups is one of the main findings. Over recent years most of skilled emigrants have been driven primarily by econom-

мотивы оказались ведущими. Однако выбор каналов и механизмов эмиграции в гораздо большей степени зависит от профессиональных занятий, типа занятости, возраста и даже конкретного направления миграции. IT-специалисты и занятые в финансово-экономической сфере чаще используют для эмиграции трудовые контракты, молодые ученые — образовательные каналы с поиском грантовых программ и бесплатных учебных стажировок; представители творческих и гуманитарных профессий более старшего возраста — образовательные каналы с опорой на собственные финансовые ресурсы. Наибольшим разнообразием используемых для выезда каналов и механизмов отличается группа удаленно занятых квалифицированных эмигрантов.

Ключевые слова: квалифицированные мигранты, высококвалифицированные специалисты, эмиграция, миграция, социальные сети, миграционные намерения, миграционные потоки, ресурсы

ical and partially by political motives. Nevertheless, the choice of channels and mechanisms of emigration are greatly shaped by the professional background, type of employment, age and even the migration direction. IT workers and employees working in finance and economic sector tend to relocate using labor contracts; young scientists opt for grant schemes or free internships; older generation involving creative professionals and people of liberal professions turn to education channels using their own funds. The group of remote job skilled emigrants is distinctive as they use the whole variety of channels and mechanisms to move abroad.

Keywords: skilled migrants, high-skilled experts, emigration, migration, social networks, migration intentions, migration flows, resources

Интеллектуальная эмиграция из России имеет длительную историю, начавшуюся еще в XIX веке. Распад СССР и открытие для передвижения внешних границ России в начале 1990-х годов дали старт ее новому этапу. Долгое время она воспринималась обществом с заметным негативным оттенком, заложенным уже в формулировке характеризующего ее понятия — «утечка умов». Постепенно под влиянием общих глобализационных процессов, роста участия в этой форме миграции представителей различных половозрастных групп, выходцев из разных регионов (а не только Москвы и Санкт-Петербурга), широкого распространения практик студенческого обмена и пр. отношение к этой форме миграции стало меняться. Появились публикации, связанные как с общим анализом ситуации в этой сфере и местом России на международном рынке интеллектуального труда [Гапонова, 2010; Жестерев, Топилин, 2015; Коробков, 2014; Рязанцев, Безвербный, 2009; Цапенко, 2011а, 2011б], так и с изучением отдельных кейсов — миграции студентов [Винокуров, 2017; Чудиновских, Денисенко, 2003], профессиональных групп [Цапенко, 2011а; Антошук, 2017], интеллектуальной миграции в отдельные страны [Полян, 2009;

Морозов, 2012; Войлокова, 2013; Антощук, 2017] и из отдельных регионов [Бабаева, 2014] и др.

Однако в целом пласт работ, анализирующих современные эмиграционные намерения россиян и их реализацию, даже без деления на потоки (квалифицированные или нет), узкий. Одна из причин этого — отсутствие адекватной статистической информации о людях, выезжающих за границу и не снимающихся с регистрационного учета по месту жительства. А таких людей — большинство, так как страны назначения не требуют документов о снятии с регистрационного учета на родине. Восполнить этот недостаток можно только кропотливым анализом статистики основных стран, принимающих мигрантов из России, что в 2000—2010-е годы сделал М. Б. Денисенко [2003, 2012]. Расчеты показали, что за 1992—1998 гг. эмиграция из России в пять ключевых стран (Германия, США, Израиль, Канада, Финляндия) составила около 950 тысяч человек [Денисенко, 2003], за 2003—2010 гг. — превысила 500 тысяч человек (по более широкому перечню стран) [Денисенко, 2012]. Произведенные О. Д. Воробьевой и А. А. Гребенюком [Воробьева, Гребенюк, 2016] косвенные оценки эмиграционного потока из России за 2011—2014 гг. составили свыше 300 тысяч человек. Таким образом, реальный ежегодный эмиграционный отток из России на протяжении последних 25 лет в среднем не опустился ниже 50 тысяч человек.

При этом каналы выезда существенно трансформировались. Если в 1990-е годы из России выезжали в первую очередь с помощью этнического канала, и это происходило независимо от уровня образования и квалификации, то сейчас диапазон каналов эмиграции из России стал почти таким же широким, как при выезде из других стран мира. А значит, должно было произойти более четкое разграничение используемых каналов между квалифицированными¹ и неквалифицированными эмигрантами. С. Виртович [Vertovec, 2002], сравнивая эти два потока, пришел к выводу, что специалисты в большей мере задействуют деловые контакты с коллегами и организациями, в отличие от неквалифицированных мигрантов, которые используют преимущественно семейные и родственные связи. Опыт высококвалифицированных специалистов из Индии в США показал, однако, что это разделение каналов и поныне в значительной степени условно, миграционные пути врачей, инженеров и ученых из Индии связаны с сетями родственных, кастовых и эндогамных транснациональных брачных союзов [Roohi, 2017]. И. А. Антощук [Антощук, 2017], опираясь на интервью с 17 русскоязычными учеными в области компьютерных наук в Лондоне, описывает, что отличительными чертами используемого ими механизма были пробная миграция в Великобританию или страны ЕС через участие в краткосрочных программах научного обмена, временные позиции в университетах, опора на индивидуальные качества мигрантов и социальные сети.

М. Лу и соавторы [Lu et al., 2016] утверждают: попытки принимающих стран повысить свои регуляторные способности привели к тому, что каналы для въезда высококвалифицированных мигрантов становятся все более разнообразными, а сами мигранты — более «предприимчивыми» в этом вопросе; вновь проявля-

¹ Здесь и в дальнейшем условимся понимать под «квалифицированными» (интеллектуальными) мигрантами совокупность имеющих высшее образование.

ются ранее забытые стратегии мобильности, например, активно используются брачные каналы, совмещаются государственно и/или коммерчески организованные и сетевые родственные модели. При этом каналы миграции различны у представителей разных профессиональных групп высококвалифицированных мигрантов и отличаются между группами, мотивированными получением гражданства (то есть миграции на постоянное место жительства) и карьерными причинами [Findlay, Li, 1998]. Анализируя миграционные траектории, А. Коу и коллеги [Кюи et al., 2015] пришли к выводу о важности родственников и социальных сетей в качестве каналов и ресурсов для миграции высококвалифицированных специалистов в Нидерландах, но акцентировали внимание на активной роли присоединяющейся супруги в решении о семейной (высококвалифицированной) миграции. Здесь «срачиваются» мотивы и каналы миграции и уточняются ее ресурсы. М. С. Савоскул [Савоскул, 2015] на основе интервью с мигрантами из России и Украины выявила шесть каналов миграции квалифицированных специалистов в Германию. Часть из них используются и квалифицированными, и неквалифицированными мигрантами, другие — только квалифицированными. В этом случае канал миграции — проезд для учебы или написания диссертации, — по мнению автора, в некоторой степени совпадает с мотивом миграции.

Таким образом, большинство исследователей, анализируя пути встраивания квалифицированных мигрантов в новый для них социум, параллельно оперируют несколькими понятиями: каналы миграции, механизмы миграции, ресурсы миграции, мотивы миграции.

Их операционализация, на наш взгляд, имеет самостоятельное значение для русскоязычной литературы и выявляет следующие различия: каналы — это юридические «дороги», по которым мигранты попадают в принимающие страны (этнический, брачный, образовательный, воссоединение семьи, трудовой контракт). Механизм — это «совокупность ресурсов, которые объясняют «белое пятно» между индивидуальным намерением и его реализацией в акте миграции» [Антошук, 2017: 144]. Ресурсы для осуществления миграции — список всевозможных объективных и субъективных условий для ее реализации: финансовых (грант, стипендия, личные накопления, зарплата), информационных (сейчас в первую очередь — интернет и предоставляемые им почтовые сервисы), личностных (накопленный опыт, наличие статей, патентов, индивидуальные качества). Наконец, мотивы миграции — это ее побудительные причины, и они в случае реализации переезда у квалифицированных мигрантов могут быть близки каналам. Но чаще все же не совпадают и определяются комплексом в широком смысле выталкивающих (прямо или косвенно) и притягивающих обстоятельств в странах исхода и вселения [Iredale, 2001; Bartolini et al., 2017; Syed, 2008]. Мотивы все больше индивидуализируются: возможности выбора личного пути, своих индивидуальных траекторий, работы строго по тому направлению, которое нравится, доступ к международной исследовательской среде становятся в некоторых случаях более значимыми, чем общеэкономические [Ozcurumez, Yetkin, 2016; Guth, Gill, 2008].

В целом этот комплекс событий и проявлений, с возникновением определенных мотивов миграции и до встраивания (хотя бы первичного) в новый социум у квалифицированных мигрантов — выходцев из России представляется нам, во-первых,

отличающимся между ними и неквалифицированными переселенцами; во-вторых, между представителями отдельных профессиональных групп, людьми разных возрастов; в-третьих, возможно, между эмигрирующими в разные страны. Эти аспекты, на наш взгляд, по-прежнему не вполне изучены российскими учеными. Задачи данного исследования — хотя бы частично ответить на второй и третий поставленные вопросы.

Дизайн исследования

Поскольку количественные опросы квалифицированных мигрантов за границами России крайне затруднительны, а генеральная совокупность такой категории и вовсе неизвестна, наиболее релевантным с точки зрения изучения эмиграционных стратегий российских специалистов представляется метод глубинного интервью. В апреле — сентябре 2017 г. через Skype было взято 41 глубинное интервью с эмигрантами последних нескольких лет. Количество интервью было определено в ходе проведения исследования. Сбор интервью осуществлялся до тех пор, пока принципиальные признаки и ответы респондентов не начали повторяться, и перестали возникать качественно новые категории. Продолжительность интервью — примерно 60 минут. Гайд интервью был структурирован тематически; наиболее крупные тематические блоки: возникновение идеи эмиграции, ее реализация, «уроки жизни» в эмиграции и планы на будущее. При отборе респондентов использовались такие критерии, как страна эмиграции (для получения наибольшего разнообразия стратегий, исходя из основных направлений эмиграции, согласно имеющейся статистике Росстата), возраст (23—45 лет), образование (наличие высшего образования), годы отъезда из России (не ранее 2011 г.). Поиск респондентов осуществлялся как методом снежного кома с несколькими точками входа, так и с помощью социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook; для поиска некоторых профессиональных групп в области IT (в частности, программистов и исследователей данных) использовались тематические и профессиональные группы внутри социальных сетей («Типичный программист» и «Data Science»); различные электронные ресурсы, посвященные эмиграции.

Перечисленные каналы поиска респондентов позволили охватить достаточно большое количество стран (19 стран) и увидеть разнообразие профессиональных профилей эмигрантов. Полученные интервью анализировались методом осевого кодирования по основным тематическим блокам.

Мотивы эмиграции

Набор мотивов, которыми руководствуются квалифицированные специалисты при принятии решения об эмиграции, довольно консервативен и почти не меняется с годами [Савоскул, 2016; Ушкалов, Малаха, 2016]. Основные отличия наблюдаются именно в их сочетании, в изменении иерархии значимости, когда одни мотивы выходят на первое место, а другие вдруг оказываются второстепенными. Для рассматриваемой нами волны интеллектуальной эмиграции ведущим мотивом стало заметное ухудшение экономической ситуации в России, повлекшее сжатие рынка труда, снижение зарплат, сокращение возможностей для карьерного развития. «Ну, основная, естественно, причина — экономическая, и соответствен-

но, поскольку я достаточно амбициозный человек, мне всегда мало, я решил, что в такой ситуации расти как специалист в стране сложно» (С., Швеция). «Я в 14-м только пришла в Ernst&Young, и становилось как-то хуже и хуже... и начали резко проекты заканчиваться, резко контракты закрываться... в целом экономика замедляется. И просто начало работы особо не быть» (Н., США).

Для довольно существенной группы респондентов важным мотивом, «подтолкнувшим» эмиграцию, послужила политическая ситуация, разочарование после выборов 2012 г. и события 2014 г. «Я политически активен был долгое время, с первого курса... Пожив в Москве четыре-пять лет, пообщавшись с людьми побольше, я понял, что большинство — не так, как говорят по телевизору, но все-таки большинство устраивает, как оно есть. И просто как бы я себя чувствую лишним» (А., Эстония). «...Основная причина — это больше политические взгляды, можно так сказать, на то, что происходит в стране, на само государство, на их политику и так далее» (В., Германия).

Отмечалось также «сращивание» экономических и социально-политических мотивов эмиграции: «Начались определенные события в России, была кризисная ситуация, стали вводиться санкции, и в нашей компании начались кадровые изменения... Мы стали это чувствовать буквально сразу же, как начались события на Украине. У нас началось резкое падение продаж. И где-то через полгода был у нас бюджет, в июле, и было принято решение о кадровых изменениях, о сокращениях» (Е., Китай).

Следует отметить, что 2014 г. оказался самым значимым для заметной части респондентов с точки зрения принятия решения об эмиграции (как по политическим, так и по экономическим мотивам) и, соответственно, на 2015 и 2016 гг. уже пришлось сама эмиграция. Это же подтверждает статистика Росстата по эмиграции российских граждан в страны дальнего зарубежья в текущем десятилетии, а также данные основных принимающих стран за эти годы (значимый рост выезда наблюдался именно после 2014 г., в 2015—2016 гг.).

При этом мотивы эмиграции между представителями разных профессиональных групп различаются не кардинально, а скорее нюансами. Так, для представителей ИТ-рынка и занятых в финансово-экономической сфере более значимыми оказались потери в заработке и сжатие перспектив карьерного роста. «Я понимал, что за ту же работу я сейчас могу получать, работая не в России, гораздо большие деньги. То есть развитие получать как профессионал и получать финансовое развитие, рост» (А., Германия).

Для респондентов других профессиональных групп, у которых трудности на рынке труда (низкие зарплаты, ограниченные карьерные возможности и т. д.) носят перманентный характер, экономический кризис оказался дополнительным толчком, не столько ухудшившим их положение, сколько лишившим надежд на позитивные изменения в их сферах занятости в будущем. В эту категорию попали научные работники, врачи, занятые в творческих профессиях. «...Основная причина переезда в том, что в России на тот момент — может быть, и на нынешний, — нет особых перспектив в этой научной специализации. Маленькие оклады, низкая оснащенность лабораторий, вот эти все вещи» (А., Финляндия). «...Я в принципе видел, как это все вокруг складывается и развивается в плане работы в прак-

тическом здравоохранении... Но определенных планов у меня не было... Где-то с конца, наверное, 11-го года чуть-чуть поднялась зарплата. Потом у нас появились всякие такие прикольные инструменты, которых раньше не было. И как-то вдруг — вроде что-то делается. И вот на пике этой программы в 12-м году один раз у меня зарплата официальная... она у меня составила около, по-моему, 35 тысяч. Вот в этот момент тяжело бросить. Потому что как бы ты уже специалист, ты думаешь: «О, что-то там... Сейчас, может быть, станет лучше». Но потом все вернулось на круги своя. Бросить стало гораздо легче... Все звезды сошлись к 14-му году... На работе условия стали настолько такими, скажем так, неприемлемыми, что я в принципе ушел со своей работы раньше, чем я уехал» (П., Германия). «Зарплата в принципе у нас по профессии довольно низкая, как мне кажется, у многих творческих профессий» (А., США). «Да, я работала преподавателем в университете... Мне нравилась эта работа по своему содержанию. Естественно, она мне совершенно не нравилась по зарплате, по карьере и по всему, что собственно вокруг работы» (Ю., Италия). Такая же картина наблюдалась среди высокообразованных южноевропейцев, для которых неудовлетворенность занятостью в кризис 2010-х годов послужила дополнительным толчком для поиска лучшего качества жизни и построения карьеры в других странах [Bartolini et al., 2017; Rodríguez-Fariñas et al., 2015; Triandafyllidou, Gropas, 2014].

Выделяется также группа, иерархия мотивов эмиграции которой показывает явное отличие от других. Но обособляется она не по профессиональному признаку, а по типу занятости: это удаленно работающие. Для них выбор страны проживания в первую очередь определяется не работой (это возможно делать для них из любой точки мира), а комфортной обстановкой вокруг. В их понимании обстановка в России в последние годы перестала быть благоприятной. Далее в расчет были приняты плохие климатические условия, агрессивная среда по отношению к детям и т. д. — но все эти обстоятельства существовали и ранее, однако решение об отъезде не принималось. Эмиграция таких людей — сравнительно новое явление в истории России, но можно предположить, что по мере распространения удаленной занятости именно они станут более заметной группой в потоке российской квалифицированной эмиграции. «У меня не было совсем никаких экономических причин уезжать, и я продолжаю работать, то есть мы сохранили свою работу, уехав, мы работаем удаленно просто» (К., Франция).

Все вышеперечисленные категории респондентов руководствовались при принятии решения «выталкивающими» мотивами. «Притягивающие» — в том числе возможность получения опыта проживания и работы за рубежом, лучшие перспективы в другой стране и т. д. — оказывались при ситуативном принятии решения об эмиграции вторичными. «Мы, в общем-то, всегда с женой хотели пожить, поработать где-то еще, то есть пожить в другой стране, посмотреть, как это» (С., Швеция). Исключений по соотношению «выталкивающих» и «притягивающих» мотивов мы обнаружили два.

Первое — небольшая группа мечтавших об эмиграции уже давно, фактически воспользовавшаяся «толчком» в виде ухудшения экономических и политических условий для осуществления давно задуманного. «Задумывалась я еще в школьные годы... Я всегда задумывалась о том, что я хочу пожить где-то хотя бы временно,

но в дальнейшем это сформировалось в позицию, что я хочу переехать насовсем. Просто вопрос был страны и времени» (Н., Израиль). Эта группа никак не поддается типизации ни по профессиональному составу, ни по типу занятости, ни по возрасту.

Второе — это также относительно небольшая группа респондентов, ведущим мотивом эмиграции которых было желание продолжить обучение за рубежом («притягивающий» мотив). В этой группе также невозможно выделить людей из определенной профессиональной сферы, но среди них больше молодых. «Мне кажется хорошей идеей учиться в нескольких местах, просто чтобы узнать, как оно — в разных местах, попутешествовать. И, кроме того, мне кажется, что образование в США может быть более ценным формально» (Д., США). «Я видела, как архитекторы работают, я была очень разочарована. Это было одной из причин, почему я захотела учиться дальше, потому что была огромная разница между учебой и настоящей практикой» (Г., Великобритания).

Каналы эмиграции

В целом по сравнению с мотивами отъезда выбираемые респондентами для эмиграции каналы и механизмы в гораздо большей степени находятся в зависимости от профессиональной принадлежности и индивидуального опыта, а также от выбираемой страны и предлагаемых ею институциональных условий.

Судя по результатам интервью, самый распространенный канал эмиграции для квалифицированных специалистов — образовательный, почти треть респондентов уехали именно так. Речь идет не только о магистратуре или аспирантуре по своей или какой-либо другой специальности², но и о языковых образовательных программах. Для определенной части мигрантов каналом стало заключение рабочих контрактов. Причем каждый второй из уехавших в европейские страны таким способом получал так называемую Blue card для квалифицированных специалистов³. По-видимому, именно широкое использование этих двух каналов является важной отличительной чертой интеллектуальной эмиграции. Остальные каналы теоретически могут быть использованы как квалифицированными, так и неквалифицированными эмигрантами.

На третьем месте по частоте использования — переезд в качестве члена семьи (иностранного гражданина или россиянина, заключившего контракт на работу за рубежом. Как и в 1990-е годы [Тольц, 2002, 2003; Полян, 2005], выделилась также репатриация — это специфический канал эмиграции (этническая эмиграция), которым могут воспользоваться только граждане определенных национальностей при переезде в свое национальное государство (в нашем опросе это переезды в Израиль и Латвию): «...У меня просто здесь родственники, бабушка из Латвии, и поэтому мне проще сюда было уехать» (А., Латвия).

Все остальные каналы использовались единично. По сравнению с описанными для 1990—2000-х годов новых каналов не появилось, и это вряд ли возможно. Представляется, что произошла трансформация их значимости. То, что когда-то

² Окончание бакалавриата или специалитета в России уже состоялось, это было одним из условий отбора респондентов.

³ Blue card («голубая карта») — удостоверение личности, дающее право на временное проживание и трудоустройство в странах ЕС. Действует с 2012 г. для квалифицированных специалистов.

было самым важным и едва ли не единственно возможным (этнический канал), сегодня для квалифицированных эмигрантов во многом вытеснено на периферию.

Механизмы и ресурсы эмиграции

Несмотря на обозначенное разграничение механизмов и ресурсов эмиграции между собой, отделить их друг от друга на практике оказалось сложно. В отличие от каналов, механизмы, используемые респондентами для успешной эмиграции, и конкретный набор ресурсов, формирующих эти механизмы, гораздо более разнообразны и индивидуальны. Тем не менее существуют и универсальные ресурсы, на которые опирались почти все респонденты.

В первую очередь это предшествовавшее эмиграции личное знакомство с жизнью в одной или нескольких развитых странах (при этом совсем необязательно в той стране, куда позднее произошла эмиграция). Оно могло быть осуществлено во время туристических поездок (с родителями в детстве или позже самостоятельно); длительного проживания в детстве или учебы за рубежом (в школе, магистратуре, аспирантуре, во время годовых программ обмена или летних рабочих программ); рабочих стажировок; наконец, краткосрочного проживания в разных странах при наличии удаленной работы, не требующей присутствия на родине. «Вся идея эмиграции у меня заложена была с детства, мне кажется, потому что и в Чехии мы жили, и путешествовать меня брали частенько. Я с детства уже привыкал к загранице» (А., США). «Я на первом курсе летом ездил к подругам, они живут в США, я к ним в гости ездил на месяц... Меня очень впечатлило, у меня до этого не было представления о загранице» (И., Германия). «...Я выиграл стипендию Ломоносова, это на полгода работы в Германии... Потом еще пару раз был, меня звали в другие города... Как бы пожил там, посмотрел, понравилось, какой здесь уровень работы, какой здесь уровень жизни, социального обеспечения и так далее» (В., Германия).

Другой универсальный ресурс — это владение иностранным языком (или повышение уровня владения им специально для осуществления эмиграции). «Когда я закончил МГУ, у меня, наверное, еще не было английского языка подходящего... Поэтому потом я начал его активно учить... А потом уже сдавал все экзамены международные — TOEFL и др.» (А., США). Новизна ситуации проявилась в том, что за редким исключением под иностранным языком понимается теперь исключительно английский, вне зависимости от страны эмиграции. Таким образом, в современном мире оказалась вполне возможной и даже успешной эмиграция с целью учебы или работы в страну без знания ее языка, только с английским «в багаже». «Предложили из Чехии, из Праги. Точнее, рекрутер украинский, но предлагал для одной чешской компании. Ну, там много работает иностранцев, поэтому, скажем так, основной язык — английский» (М., Чехия). «Предложили Мюнхен... Я говорю: я немецкого не знаю. Они говорят: это не важно, на английском работа. Я говорю: ну окей, почему нет» (И., Германия). Конечно, впоследствии опрошенные эмигранты начинают учить язык страны, в которой живут (если не планируют скорый переезд в другую страну, а такие случаи не единичны), но на первых порах незнание языка страны назначения не является теперь критически влияющим на эмиграцию фактором.

Еще один ресурс, ставший универсальным для всех интеллектуальных эмигрантов, — это использование опыта предшественников (ранее уехавших друзей и знакомых), а также растущий объем информации о механизмах эмиграции в социальных сетях. «...Меня еще подталкивали такие обстоятельства, как круг знакомых, товарищей, потому что у меня были друзья-однокурсники, которые уехали» (А., Германия). «Абсолютно случайно в 15-м году я наткнулся на пост в социальных сетях, где человек описывает, как он переехал жить в Норвегию или в Швецию... Он работал программистом и зазывал присоединиться в их компанию... Я понял, что это реально» (М., Чехия). «Я тогда просто услышал несколько историй, со знакомым поразговаривал, он мне рассказал про брата, как они там жили, выживали. Я как бы вдохновился, решил, что вот этого мне сейчас и не хватает» (И., США).

Для профессионалов в области IT-технологий, части специалистов в области экономики и финансов, выезжающих за рубеж (как правило, с заключением рабочих контрактов), наиболее важным ресурсом становится подготовка и размещение своего CV в специализированных социальных сетях⁴. При этом выбор страны для эмиграции часто вторичен и происходит вслед за предложением работы. «...Я начал отправлять резюме в Канаду. Создал профиль на LinkedIn, но никакого ответа мне не было. Сколько бы резюме я ни оставлял, там, десять-пятнадцать вакансий разных нашел, отправлял, мне никто не ответил вообще. Но мне начали звонить, спрашивать из Великобритании, потому что в Лондоне самая наибольшая концентрация агентств, которые работают по поиску сотрудников. И вот мне звонят из Лондона, связь плохая, плохо слышно, но суть такая — интересно ли вам работать в Мюнхене... С Мюнхеном потом что-то не получилось, потом меня спросили: а Берлином не интересуетесь? Я тоже согласился. Мне говорят: окей, будет у вас интервью» (И., Германия).

С одной стороны, существование специализированных социальных сетей и агентств, работающих с этими сетями, — это сравнительно новый институциональный ресурс, облегчающий заключение рабочих контрактов до выезда в эмиграцию. С другой стороны, достижение цели в осуществлении задуманного во многом зависит от профессиональных навыков, имеющегося опыта работы и «таланта» составления самого резюме — т. е. индивидуальных ресурсов квалифицированного эмигранта. «Стал обращаться на разные сайты с предложениями работы за рубежом, в Европе конкретно. Европа очень серьезно смотрит на LinkedIn, CV я заполнил максимально подробно, как мог» (М., Чехия). «Я себе поставил четкую цель: я собираюсь уехать. Я написал себе план из пунктов, что мне нужно сделать, чтобы этого достичь. У меня было там — улучшить язык... Сделать свое портфолио хорошее, то есть я стал готовиться к экзамену по программированию, такой сертификат получить. Стал делать свой веб-сайт, чтобы у меня был веб-сайт какой-то, чтобы я мог как-то презентовать себя» (И., Германия).

Несколько другой набор ресурсов использовался выезжавшими по образовательному каналу. Однако поскольку именно этот канал был наиболее массовым среди респондентов, то и внутри этой группы эмигрантов можно выделить несколько категорий, различавшихся между собой по использованным ресурсам. Первая

⁴ Чаще всего использовалась сеть LinkedIn, которая в настоящее время на территории России заблокирована.

категория — ученые, представители творческих профессий, преподаватели, которые хотели повысить уровень профессиональных компетенций в своей специальности. Их выезду предшествовала работа по поиску грантовых программ, учебных стажировок. Среди таких эмигрантов больше молодых, менее обеспеченных (большинство стремилось выехать на бесплатную учебу, оплаченную различными фондами). «Когда я была на Стрелке, мне предложили грант в Канаде на учебу на PhD... я уехала в Канаду учиться сразу же... Я думаю, что грант и опять возможность учиться бесплатно [повлияли]» (Г., Великобритания). «Это довольно спонтанно получилось, потому что я вообще подал документы только на одну программу, вот эту одну стипендию, и ее выиграл» (И., Нидерланды). Набор институциональных ресурсов конкретной принимающей страны играет при выборе второстепенную роль. «Не только в Австралию, я много куда подавал. В Австралию только в один вуз подал, и то, просто зная, что здесь знакомые были, как бы уже тропинка протоптанная... Больше хотел я, наверное, в Германию — поближе, немецкий я начал как раз изучать к тому времени... Где-то вообще предлагали сразу PhD, как здесь, в Австралии. Поэтому это было самое выгодное предложение» (П., Австралия). «Так сложилось, потому что стипендия, которую я выиграл, по ней восемь российских вузов сотрудничали с восемью европейскими вузами в разных странах... Голландцы просто первые... Я выбрал написать им, я написал в Британию два письма и два письма в Голландию. Из Британии мне не ответили, из Голландии мой научный руководитель мне довольно быстро ответил» (И., Нидерланды).

Вторая категория образовательных мигрантов — это те, кто недоволен своей полученной специальностью и хотел бы поменять ее, а также те, кто ехал на языковые программы. В этой категории чаще встречались эмигранты гуманитарных профессий, чуть более старшие по возрасту, более обеспеченные, так как такое образование могло быть только платным (многие использовали финансовые ресурсы родителей). «Всего мне нужно было на всю программу обучения чуть-чуть больше, чем 36 тысяч. Какие-то деньги у меня уже были, они мне остались от родителей. Просто мне родители откладывали на университет, но полной суммы не получилось... И мне нужно было доложить туда около 25. Ну вот, и я работал, работал, работал и откладывал» (А., США).

И, наконец, третья категория образовательных мигрантов — это те, кто просто использовали образовательный канал для осуществления эмиграции. Если в первой категории основной мотив эмиграции фактически совпадал с каналом и это определяло особенности используемого механизма (поиск грантов и программ поддержки), во второй — мотив получения нового образования учитывался наряду с экономическими и политическими факторами, а механизм эмиграции отличался опорой на индивидуальные финансовые возможности при поиске «качественного» образовательного учреждения, то третья категория вообще не рассматривала образовательный мотив как существенный. Соответственно, для таких эмигрантов выбор образовательного учреждения или языковых курсов был вторичен, в первую очередь учитывалась стоимость обучения и гарантии легализации в выбранной стране. «Я хотел уехать куда-нибудь, и я понял, что лучший вариант для этого было найти учебу» (А., Испания). «Весь 2015-й год мы занимались попытками оформить документы. Со второй попытки нам это удалось. В итоге мы сейчас здесь

находимся по студенческой визе, которая позволяет нам здесь жить, не выезжая. А до этого мы пытались получить визу без права на работу, но нам в ней отказали» (Т., Испания). Эта третья категория выделяется по принципу занятости — в ней представлены работающие удаленно; по социальному и возрастному статусу это более старшие и часто семейные эмигранты.

Институциональные особенности принимающих стран в какой-то степени также влияют на выбор механизмов эмиграции выезжающих по образовательным или трудовым каналам, однако они все же вторичны. Эти особенности могут облегчать эмиграцию, как например, уже упомянутая Blue card в странах ЕС, или усложнять ее, ограничивая сроки пребывания и поиска работы в стране после получения местного образования и т. д. Поэтому с точки зрения выезда путем заключения рабочих контрактов лидируют европейские страны; а на учебу (особенно платную и престижную) чаще выезжают в США или Великобританию. «Мне повезло просто в лотерею грин кард. Это только недавно мне повезло, когда я там был на стажировке, у меня этого близко не было. То есть я поэтому тогда и уехал, так как не было возможности остаться... В отличие от Европы, в Америку гораздо сложнее, потому что очень сложно рабочую визу получить» (И., США).

В то же время выбор других каналов и механизмов эмиграции — этническая эмиграция, покупка недвижимости, открытие бизнеса — в гораздо большей степени зависит именно от институциональных особенностей принимающей страны. «Мы получили вид на жительство в Литве и потом уже с ним выбирали, куда поехать в рамках Шенгена... Получили на основании бизнес-эмиграции, мы открыли там фирму, и в то время они давали за это сразу вид на жительство. Сейчас, насколько я знаю, они ужесточили это все... Мы его закрыли сразу, как только получили вид на жительство французский. Здесь просто можно поменять один на другой» (К., Франция).

Заключение

Понимая всю ограниченность полученных эмпирических данных, мы, тем не менее, можем сделать некоторые обобщения. Произошедшие в России экономические и политические события оказали влияние не только на статистические параметры эмиграции в развитые страны, но и, с большой долей вероятности, на мотивацию эмигрантов с высшим образованием. Для большинства опрошенных эмигрантов экономические и, частично, политические мотивы оказались ведущими, при этом были практически стерты различия в мотивации у представителей разных профессиональных групп, возрастных групп, у эмигрантов, направляющихся в разные страны. Одновременно выбор каналов и механизмов эмиграции в гораздо большей степени зависел от профессиональных занятий, типа занятости, возраста и даже, хотя и в меньшем числе случаев, конкретного направления миграции (принимающей страны). IT-специалисты и занятые в финансово-экономической сфере чаще используют для эмиграции трудовые контракты, заключаемые после размещения своих CV на профессиональных сетевых ресурсах. Молодые ученые — образовательные каналы с использованием грантовых программ и бесплатных учебных стажировок; более старшие представители творческих или гуманитарных профессий — образовательные каналы

с опорой на собственные финансовые ресурсы. Все более заметной становится группа удаленно работающих квалифицированных эмигрантов, использующих более разнообразные каналы для выезда (образовательный, открытие бизнеса, покупка недвижимости).

В целом опыт современной интеллектуальной эмиграции говорит об упрощающихся механизмах, несмотря на более жесткое миграционное регулирование во многих странах. Опора на относительно быстро и легко развиваемые индивидуальные ресурсы (повышение квалификации, получение сертификатов, обучение языку) и социальные сети делает интеллектуальную эмиграцию все более распространенным явлением, а экономические и политические проблемы России пока только подстегивают это явление. Личная активность и настойчивость в достижении своих целей, как это описывал еще Р. Парк [Park, 1967], по-прежнему выступают главными ресурсами успешной эмиграции.

Список литературы (References)

Антощук И. А. Анализ механизма миграции русскоязычных ученых в области компьютерных наук в Великобританию // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 140—155. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.09>.

Antoschuyk I. A. (2017) Russian computer scientists in the UK: analysis of the migration mechanism. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 140—155. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.09> (In Russ.)

Бабаева П. А. Социологический анализ интеллектуальной миграции Санкт-Петербурга // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 1. С. 72—75.

Babaeva P. A. (2014) A Sociological analysis of the intellectual migration of St. Petersburg. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomiçeskogo universiteta*. No. 1. P. 72—75. (In Russ.)

Винокуров В. В. Интеллектуальная миграция студенческой молодежи Калининградской области: ожидания и реальность // Власть. 2017. № 7. С. 69—74.

Vijokurov V. V. (2017) Intellectual migration of students of Kaliningrad region: expectations and reality. *Vlast*. No. 7. P. 69—74. (In Russ.)

Войлокова Т. Н. Человеческий капитал высококвалифицированных русскоязычных специалистов в эмиграции: траектории профессионального и карьерного развития иммигрантов // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2013. № 6. С. 87—100.

Voilokova T. N. (2013) Highly skilled Russian-speaking professionals: careers of immigrants. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 87—100. (In Russ.)

Воробьева О. Д., Гребенюк А. А. Эмиграция из России в конце XX начале XXI века. Аналитический доклад КГИ. М., 2016. 78 с.

Vorob'eva O.D., Grebenyuk A. A. (2016) Emigration from Russia during the late XX — the early XXI century. Analytical Report of the Committee of Civil Initiatives. Moscow. 78 p. (In Russ.)

Гапонова А. Ю. Международная миграция высококвалифицированных специалистов: направления, масштабы, регулирование [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2010. № 441—442. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit07.php> (Дата обращения: 01.11.2018).

Gaponova A. Yu. (2010) International migration of highly-skilled specialists: directions, scope, management. Demoscope Weekly. No. 441—442. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit07.php> (accessed: 01.11.2018). (In Russ.)

Денисенко М. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12. № 3. С. 157—169.

Denisenko M. (2003) Emigration from Russia according to foreign statistics. Universe of Russia. Vol. 12. No. 3. P. 157—169. (In Russ.)

Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2012. № 513—514. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf> (дата обращения: 01.11.2018).

Denisenko M. (2012) Emigration from Russia to foreign countries. Demoscope Weekly. No. 513—514. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf> (accessed: 01.11.2018) (In Russ.)

Жестерев Д. В., Топилин А. В. Миграция высококвалифицированных специалистов и инновационное развитие России и ее регионов // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3—2. С. 119—124.

Zhesterov D. V., Topilin A. V. (2015) Migration of highly-skilled specialists innovative development of Russia and its regions. Economy and Entrepreneurship. No. 3—2. P. 119—124. (In Russ.)

Коробков А. В. Плюсы и минусы российской интеллектуальной миграции // Мир перемен. 2014. № 4. С. 138—153.

Korobkov A. V. (2014) Pro et cons of the Russian intellectual migration. The World of Transformations. No. 4. P. 138—153. (In Russ.)

Морозов В. М. Интеллектуальная миграция в Израиль: российский аспект // Вестник МГИМО. 2012. № 6 (27). С. 238—241.

Morozov V. M. (2012) Intellectual migration to Israel: the Russian aspect. MGIMO Review of International Relations. No. 6 (67). P. 238—241. (In Russ.)

Полян П. М. Русскоговорящие иммигранты в Германии. Первые результаты социологического обследования, проведенного совместно с журналом «Партнер» [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2009. № 375—376. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit06.php> (дата обращения: 01.11.2018).

Polian P. M. (2009) Russian-speaking immigrants in Germany. The first results of a sociological joint survey conducted with the journal «Partner». Demoscope Weekly. No. 375—376. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit06.php> (accessed: 01.11.2018). (In Russ.)

Полян П. М. (2005) Эмиграция: кто и когда в XX в. покидал Россию // Россия и ее регионы в XX в.: территория — расселение — миграции / под ред. О. Б. Глезер, П. М. Поляна. М. : ОГИ, 2005. С. 493—519.

Polian P. (2005) Emigration: who and when left Russia in the XX century. In: Russia and its regions in the XX century: territory — settlement — migrations. Ed. by O. Glezer, P. Polyan. Moscow: OGI. P. 493—519. (In Russ.)

Рязанцев С. В., Безвербный В. А. Международная интеллектуальная миграция в России: тенденции и последствия // Вестник РУДН. Сер. Экономика. 2009. № 2. С. 16—23.

Ryazantsev S. V., Bezverbnyi V. A. (2009) International intellectual migration in Russia: history, reasons, consequences. RUDN Journal of Economics. No. 2. P. 16—23. (In Russ.)

Савоскул М. С. Успешные мигранты из России и Украины во Франкфурте-на-Майне (Германия) // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 1. С. 118—131. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.1.10>.

Savoskul M. S. (2015) Successful migrants from Russia and Ukraine in Frankfurt am Main (Germany). Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 1. P. 118—131. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.1.10>. (In Russ.)

Савоскул М. С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 44—53.

Savoskul M. S. (2016) Emigration from Russia to the non-CIS countries during the late 20th — the early 21st century. Moscow University Bulletin. Series 5. Geography. No. 2. P. 44—53. (In Russ.)

Тольц М. Эмиграция в Израиль как отражение динамики и дифференциации ситуации в России // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 37—43.

Tolts M. (2002) Emigration to Israel as a reflection of dynamics and differentiations in Russia. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 6. P. 37—43. (In Russ.)

Тольц М. Российская эмиграция в Израиль [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 105—106. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0105/tema01.php> (дата обращения: 01.11.2018).

Tolts M. (2003) Russian emigration to Israel. Demoscope Weekly. No. 105—106. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0105/tema01.php> (accessed: 01.11.2018). (In Russ.)

Ушкалов И. Г., Малаха И. А. Утечка умов. Масштабы. Причины. Последствия. М. : Едиториал-УРСС, 2016. 178 с.

Ushkalov I. G., Malakha I. A. (2016) Brain drain — the scope, causes, consequences. Moscow: Editorial URSS. 178 p. (In Russ.)

Цапенко И. П. ИКТ и глобальная мобильность труда // Информационное общество. 2011а. № 2. С. 18—28.

Tsapenko I. P. (2011a) ICT and the global mobility of labor. Information Society. No. 2. P. 18—28. (In Russ.)

Цапенко И. П. Экономический цикл и международная миграция населения // Мировая экономика и международные отношения. 2011б. № 8. С. 31—42.

Tsapenko I. P. (2011b) Economic cycle and international migration of population. World Economy and International Relations. No. 8. P. 31—42. (In Russ.)

Чудиновских О. С., Денисенко М. Б. Где хотят жить выпускники российских вузов? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 119—120. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0119/tema05.php> (дата обращения: 01.11.2018).

Chudinovskikh O.S, Denisenko M. B. (2003) Where Russian University Graduates Want to Live. Demoscope Weekly. № 119—120. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0119/tema05.php> (accessed: 01.11.2018). (In Russ.)

Bartolini L., Gropas R., Triandafyllidou A. (2017) Drivers of highly skilled mobility from Southern Europe: escaping the crisis and emancipating oneself. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 4. P. 652—673. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2016.1249048>.

Findlay A. M., Li F. L. N. (1998) A migration channels approach to the study of professionals moving to and from Hong Kong. *International Migration Review*. Vol. 32. No. 3. P. 682—703. <https://doi.org/10.1177/019791839803200305>.

Guth J., Gill B. (2008) Motivations in East-West doctoral mobility: Revisiting the question of brain drain. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 34 (5). P. 825—841. <https://doi.org/10.1080/13691830802106119>.

Iredale R. (2001) The migration of professionals: Theories and typologies. *International Migration*. Vol. 39 (5). P. 7—26. <https://doi.org/10.1111/1468-2435.00169>.

Kōu A., van Wissen, L., van Dijk J., Bailey A. (2015) A Life Course Approach to High-skilled Migration: Lived Experiences of Indians in the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 41. No. 10. P. 1644—1663. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1019843>.

Lu M. C.W., Zhang J., Chee H. L., Yeoh B. S.A. (2016) Multiple mobilities and entrepreneurial modalities among Chinese marriage migrants in Malaysia. *Current Sociology*. Vol. 64. No. 3. P. 411—429. <https://doi.org/10.1177/0011392115594466>.

Ozcurumez S., Yetkin Aker D. (2016) What Moves the Highly Skilled and Why? Comparing Turkish Nationals in Canada and Germany. *International Migration*. 2016. Vol. 54 (3). P. 61—72. <https://doi.org/10.1111/imig.12234>.

Park R. (1928) Human migration and the marginal man. *American Journal of Sociology*. Vol. 33. No. 6. P. 881—893.

Roohi S. (2017) Caste, kinship and the realisation of 'American Dream': high-skilled Telugu migrants in the U.S.A. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 16. P. 2756—2770. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1314598>.

Syed J. (2008) Employment prospects for skilled migrants: a relational perspective. *Human Resource Management Review*. Vol. 18. P. 28—45. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2007.12.001>.

Vertovec S. (2002) Transnational networks and skilled labour migration. Transnational Communities Programme. University of Oxford. P. 1—15.

Rodríguez-Fariñas M. J., Romero-Valiente J. M., Hidalgo-Capitán A. L. (2015) Los exiliados económicos. La tercera oleada de emigración española a Chile (2008—2014). *Revista de Geografía Norte Grande*. Vol. 61. P. 107—133.

Triandafyllidou A., Gropas R. (2014) "Voting with Their Feet": Highly Skilled Emigrants From Southern Europe. *American Behavioral Scientist*. Vol. 58. No. 12. P. 1614—1633. <https://doi.org/10.1177/0002764214534665>.